

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ АДЫГЭ ХАБЗЭ

Озова доктор исторических наук, доцент, заведующий Отделом
Фатима истории народов КЧР, Карачаево-Черкесский институт
Анатольевна гуманитарных исследований (369000, Россия, г. Черкесск,
ул. Горького, 1а). E-mail: fo7799@gmail.com

Аннотация

В статье анализируются развитие свода обычного права черкесов Адыгэ хабзэ. В качестве важных условий этого процесса выделяются такие факторы как: длительность бытования; характер трансформаций социально-политических институтов и обычаев; традиция политогенеза; постоянное воспроизводство многомерной личностной культуры кавказского типа личности; поликонфессиональность; влияние писаных законов стран контрагентов.

Ключевые слова: *Хабзэ, адыги, Черкесия, патриархальное общество, Средневековье, Новое время, концепция «оболочек» или «юридических фикций», хасэ, тхъэмадэ, религии Авраамической традиции Единобожия, римское право, шариат.*

*Обычай (адатъ), которым держался
в жизни горца весь порядок,
с древнейших времен принял
в его глазах священное
значение закона
А.И. Лилов*

Черкесская лексема *хабзэ* в отличие от русского термина *обычное право* полисемантична и означает: писанные законы, неписанные народные обычаи, традиции, привычки [65, с. 260; 36, с. 12]. Термин *Адыгэ хабзэ* переводится как *черкесские / адыгские¹ законы / обычаи*. Адыгэ хабзэ представляет собой единство трех составных компонентов: поведенческого, естественно-правового и юридического (нормативного) [36, с. 8]. То есть в Адыгэ хабзэ, как и в праве европейских народов имеется три рода законов: 1) божественные, 2) принципы естественного правосудия, 3) основные законы [45, с. 55]. Крупный кавказовед Б.Х. Бгажноков дает следующее определение Адыгэ хабзэ – «морально-правовой кодекс, <...> в котором соединены в одно целое моральные (прежде всего этикетные) и юридические правила и установления» [14, с. 6]. Идеологической базой синтеза обычного права и этикета являлась адыгская этика – адыгъагъэ, что в переводе на русский язык означает *адыгство*.

Свод норм Адыгэ хабзэ обеспечивал правопорядок в черкесском (адыгском) обществе на протяжении веков. Сведения находившегося в Черкесии в 1837–1839 гг. британского резидента Джеймса Белла иллюстрируют его значение для ее социума: «Общественное мнение и установленные обычаи – вот, что, кажется, является высшим законом в этой стране; в общем, я могу только поражаться тем порядком, который может происходить из такого положения дел. Случаются насильственные жестокие и явные преступления, но это является, главным образом, результатом ссор или их последствий и происходит сравнительно редко. Немногие страны, с их установленными законами и всем

¹ Этноним *адыгэ* возник в античную эпоху (26 г. н.э.). После консолидации адыгских княжеств в Черкесии на рубеже XII–XIII вв. все адыги также стали именоваться политонимом *черкес*.

сложным механизмом правосудия, могут похвалиться той нравственностью, согласием, спокойствием, воспитанностью — всем тем, что отличает этот народ в его повседневных взаимоотношениях» [1, с. 479].

Основополагающая роль Адыгэ хабзэ в жизни черкесов актуализирует вопрос об условиях его формирования и развития. Прежде всего, это, как правило, бывает с обычаями — **фактор длительного бытования**. Для внимательного и образованного стороннего наблюдателя даже в XIX в. была очевидна древность черкесской культуры. Так, начальник штаба Черноморской береговой линии Н.И. Карлгоф, «в руках которого сосредотачивались самые достоверные сведения» [20, с. 130], отмечал, что «единство происхождения, языка, веры, нравов и обычаев» [30, с. 517] относит черкесов к древнейшим народам мира. На археологических источниках отчетливо прослежена линия преемственности в развитии культур палеолита и неолита, всех трех этапов медно-бронзового века на Северном Кавказе. Установлено, что и «в период поздней бронзы и раннего железа смены населения на Северо-Западном Кавказе не произошло», отмечается «последовательное развитие одного и того же этноса — древнеадыгского» [3, с. 46, 47]. В его ранней истории можно выделить два этапа: древнейший, когда сформировалось его ядро (бронзовый век — IV–II тыс. до н.э.) и античный, когда сложились его основы [13, с. 31]. Целостность кавказской культуры, ее переплетенность с европейскими (догреческими и греческой) и малоазиатскими культурами иллюстрируется археологическими источниками и нартским эпосом» [56, с. 41], история которого насчитывает порядка четырех тысяч лет.

Русская и грузинская летописные традиции относят формирование первых зачатков государственности проточеркесов к глубокой древности — ко времени Св. Ноя [53, с. 136]. В историческом обыденном сознании черкесов и в черкесской историографии «начало процессов формирования ранней государственности у предков адыгов принято относить к III тыс. до н.э.» [18, с. 7]. Это была эпоха становления на северо-востоке Малой Азии городов-государств хаттов и касков, на основе которых произошло впоследствии становление могущественной Хеттской империи во II тыс. до н.э. и с которыми генетически была связана бытовавшая в традиционном ареале проживания адыгов на Кавказе (IV–III тыс. до н.э.) самобытная майкопская культура. Эта древняя эпоха в истории черкесов идентифицируется как северная периферия древневосточной цивилизации. Уже тогда родовой строй на Кавказе видоизменился, превратившись в патриархальный» [37, с. 40] и с этого периода общественное развитие в Прикубанье (и на всем Северном Кавказе) шло по магистральному пути (по переднеазиатской модели), ведущему от ранней первобытности к сложению государственности» [6, с. 166].

Наряду с хаттами и касками, а потом и хеттами, в раннем этногенезе адыгов участвовали фракийцы, киммерийцы, мидяне, касситы, находившиеся в тесной связи с такими народами Средиземноморского бассейна, как пелазги, этруски, лигуры, медуллы, ливийцы, лелеги, ликийцы, карийцы, лидийцы, миттанийцы. Это были первые жители Европы, создавшие цивилизации, «которые восприняли и развили дальше греки» [47, с. 30]. Именно им последние обязаны в значительной степени своими достижениями в металлургии, культуре возделывания хлебных злаков, использовании лошади, военных повозок, а также — в мифологии, искусстве и науках. Миф о Прометее также принадлежал догреческому миру [47, с. 30; 9, л. 6].

Дальнейшее развитие Северо-Западного Кавказа, на протяжении тысячелетия, было связано с меотами — основным субстратом этногенеза адыгов (черкесов) [8, с. 122]. В пору расцвета меотской культуры в VI в. до н.э. сформировались их язык, этнический облик, самобытная культура и первые зачатки государственности [36, с. 62].

Европейская историческая традиция, начиная с Геродота (490/480 – ок. 425 до н.э.), неизменно включала Кавказ в описание Европы. Сравнительный анализ греко-римского и древнеадыгского языческих пантеонов приводит к выводу, что протоадыги, которые были связаны с греками со времен аргонавтов с 1250 г. до н.э. [35, с. 7], имели сложившуюся культуру, способную оказать влияние на греческую культуру [22, с. 21; 48, с. 68–71; 58, с. 23]. Таким образом, черкесы на протяжении тысячелетий были не только органической частью европейского мира, но в ряде случаев их культурогенез оказывал непосредственное влияние на культурогенез европейской цивилизации [56, с. 151].

Антропологически черкесы принадлежат к белой или европеоидной расе, которая в созданной в конце XVIII в. классификации также выделена как кавказская [43, с. 30, 31]. В «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегель отмечал, что черкесы (наряду с итальянцами и грузинами) являются образцом европеоидной расы [21, с. 61], понимая при этом кавказскую расу как сумму европейских народов. Генерал К. Ф. Сталь писал (1852): «Все адыгские народы в физиологическом отношении принадлежат одному племени, имеют один общий язык. Везде вы встречаете одно и то же очертание лица, сложение черепа, ту же телесную красоту, силу и умственные способности» [55, с. 192]. И, вторя Гегелю, замечал: «Здесь в Кавказских горах вы можете изучить первообраз белого поколения в самом его самородке» [55, с. 218].

Еще в архаический период сложились ключевые институты управления и принципы жизни черкесской этнической общности. Прежде всего это институты системы хасэ¹ / тхэмадэ² и принципы уважения старшинства (тхэмадагъа) и союзничества (благъагъэ). Сложившаяся в древности организация социально-политической жизни черкесов, закрепившись в архетипах, детерминировала все их социальные институты в будущем. Самобытность социально-политической истории черкесов состояла в том, что им, в отличие от других народов, удавалось на протяжении многих столетий сохранять целостность форм архаических институтов. Эту особенность заметил еще Н.И. Карлгоф, отмечавший, что на Кавказе в большей степени чем в Европе сохранились архаические институты, и ратовал за изучение черкесского социума, считая что это может предоставить «много данных для новых выводов и даже для переработки первоначальной истории новейших европейских государств» [30, с. 517]. Но попытки анализа социально-политических институтов черкесов увенчались наибольшим успехом лишь в конце XX в., когда к исследованию общественных институтов черкесов, подошли, оперируя философскими категориями *формы и содержания* (концепция «оболочек» или «юридических фикций») [20; 25; 26].

На протяжении всей истории черкесов законодательным институтом выступали хасэ, акты которых являлись важнейшим источником Адыгэ хабзэ [36, с. 8]. Трансформации институтов хасэ и тхэмадэ ярко иллюстрируют и характер трансформации всего свода Адыгэ хабзэ. Если исходить из сведений фольклорных источников, то изначально хасэ возникла как судебный институт. В исторической песне «Шихънагъ» отмечается: Тхэ зи къаныр мэхасэ [51, с. 45, 46]. Здесь глагол *мэхасэ* означает «вершить правосудие», в собранных Н.Л. Каменевым сведениях прямо указывается, что лексема *хасэ* означает – *суд* [27, с. 19]. «Судебное место, в котором заседают постоянные судьи, у горцев именуется различно. У черкес оно называется хассом» [41, с. 221], – утверждал один из первых

¹ Хасэ – Хэ – «публика», «общество» [16, с. 58, 59]. Наиболее близок к пониманию этимологии лексемы хасэ Б. К. Утижев: «Морфологический компонент хэ, встречающийся во многих адыгских словах, восходит к первичному слову (корню) и выражает значение “место”» [57, с. 52]. Отсюда полисемантность лексемы *хасэ* – это было *место*, где отправлялись все виды власти в Черкессии: 1) законодательной; 2) судебной; 3) исполнительной.

² Букв.: угодный Тхэ / Богу.

собирателей и исследователей обычного права народов Кавказа Ф.И. Леонтович. Таким образом, во все исторические эпохи хасэ оставалось в Черкесии местом власти, но под архаической оболочкой понимались совершенно разные институты: архаические народные собрания, феодальные сословно-представительные собрания (рассматриваемые через призму следования обычаю) и демократические народные собрания.

Очевидно, что наименование всех этих институтов одним словом хасэ не было случайностью. В.Х. Кажаров выявил пять общих параметров в функционировании архаичного народного собрания (нартхасэ / хасэ нартов), а также хасэ в уделах, княжествах и демократических республиках Западной Черкесии. Однако, несмотря на ряд общих характеристик, хасэ в феодальную эпоху не был генетически связан с хасэ архаической эпохи. Нартхасэ – это и собрания сородичей, и советы старейшин (тхьэмадэ) родов, выполнявшие наряду с судебными законодательные, управленческие социально-экономические и идеологические функции. Феодальное же хасэ возникло на основе княжеского совета и представляло собой новообразование [26, с. 210]. В.Х. Кажаров показал, что феодальное хасэ также не представляло собой застывший институт и эволюционировало в процессе развития феодальных отношений «от неструктурированных, аморфных совещаний к системно организованному (упорядоченному) сословно-представительному собранию» [25, с. 14]. (В Кабарде эта трансформация была связана с именем великого князя / пщышхуэ Кабарды Беслана (1498–1525)). Наряду с сословно-представительными законодательными собраниями – хасэшхуэ (в княжествах) и хасэ (в уделах) в системе хасэ возникли третейские суды / тхьэрыу хасэ / тхаохасэ – «божии суды» [27, с. 19] и княжеские суды. Выборные тхьэрыу хасэ / тхаохасэ в период демократических трансформаций в Западной Черкесии наряду с судебными функциями вновь стали выполнять и функции управления.

Самая древняя в Черкесии иерархия в системе управления была связана с принципом старшинства – тхьэмадагъэ. Принцип уважения старшинства является ключевым в черкесской ментальности¹. Генерал-поручик П. С. Потемкин, составивший одно из наиболее обстоятельных историко-этнографических описаний черкесов, сравнивая их с древними греками отмечал: «Старость между ими, так как и у спартан, в крайнем почтении, и никакой молодой человек пред стариком ни малейшего невежливости сделать не дерзает» [24, с. 362]. Принцип старшинства воплощался в функционировании института тхьэмадэ. В патриархальный период тхьэмадэ – это старший мужчина – родоначальник – старейшина – патриарх [37, с. 68] племени и патриархальной семейной общины (рода). Отношения власти строились на базе родственных отношений и половозрастной стратификации. В феодальный период черкесской истории принцип старшинства продолжает проявляться на семейном и родовом уровне, но особенно ярко он воплотился в сане пщышхуэ. Этот сугубо феодальный институт власти был закамуфлирован под архаический институт старшинства. Пщышхуэ, будучи избранным хасэ, становился автоматически пщы-тхьэмадэ / Pcheh-Thommade [1, с. 227] / пшь-тххамате [61, с. 113] – председателем законодательного сословно-представительного собрания хасэ.

В. Х. Кажаров отмечал: «Звание “пщы-тхьэмадэ” дополняло титул пщышхуэ» [26, с. 307], подчеркивая старшинство и функции председателя хасы. Буквально оно означает «старший князь», а «пщышхуэ» – «большой князь» или «великий князь» [26, с. 307]. Очевидно, что в феодальную эпоху, как при выборе пщы-тхьэмадэ, так и при выборе

¹ Связь с архаическими институтами и принципами была свойственна не только черкесской социально-политической системе. К примеру, принцип уважения старшинства был характерен для значительной части монархий мира, порядок наследования в которых известен как *лествичное право*. В России титул *великий князь* буквально имел значение *старший князь* [31, с. 158].

присяжных судей — тхъэмадэ в тхъэрылуэ хасэ под «старшинством» уже стал пониматься не только возрастной ценз, но и сословный статус.

Такие же трансформации, которые претерпели институты хасэ и тхъэмадэ, были характерны и для хабзэ. Древние принципы, заложенные в архаических хабзэ, были сохранены в значительной мере в ходе их феодальной и демократической трансформаций. Они были приспособлены сначала к сословно-иерархической [33, с. 35–43] структуре общества, а потом — и к демократической. Б. Х. Бгажноков отмечает, что они приобрели со временем статус общенациональных ценностей и идеалов, на которые ориентировались все члены общества. «Комплекс всевозможных религиозных и светских обрядов, исполняемых одновременно и совместно знатью и крестьянством» [17, с. 86] объединял как «благородных» (*пшы, уэркъ*), так и «неблагородных» (*лхукуэотл*) членов общества. Пренебрежение ими не прощалось никому, даже князю. Более того эти принципы получили наибольшее развитие в Уэркъ хабзэ (дворянское право, называемое еще Кодексом дворянской чести). Соблюдение некоторых из этих норм рыцарского этикета стало регламентироваться гораздо строже, чем в национальной обычно-правовой системе Адыгэ хабзэ.

Сохранение древних устоев культуры, в том числе и правовой культуры, обеспечивалось постоянным **воспроизводством многомерной личностной культуры кавказского типа личности**, сформировавшейся еще в архаическую и античную эпохи и который можно охарактеризовать как «человек мобилизованный», готовый следовать алгоритму этикета» [56, с. 167]. Это воспроизводство обеспечивалось в значительной мере системой «однообразного воспитания» [28, с. 92] возникшего еще в недрах родового строя, ставшем известным в Средние века и Новое время как институт аталычества (черкес. *къаныхь*). Н. Л. Каменев отмечал: «К области умственного образования Адыгских дворян принадлежало: знание фамильных и народных преданий; знание обычаев и прав, присвоенных их сословию; знание старшинства крови между собою, что выражалось утонченной вежливостью к старшему и гордой холодностью в обращении с младшим» [28, с. 92]. Социализация личности в черкесском обществе обеспечивалась системой этикета, которая четко определяла место и роль каждого человека в обществе. Следовательно, «если “мобилизованность” это архетипическая, внутренняя сущность кавказского типа личности, то этикет — это форма его социокультурного и культурно-коммуникационного проявления, а нартский эпос — их культурно-философская и культурно-ментальная основа» [56, с. 168, 169].

Другим обстоятельством, оказавшим значительное влияние на историю черкесского народа и его правотворчество, следует назвать **традицию политогенеза**. Политогенез проточеркесов в виде малых политий и их союзов, возникший в хаттские времена, сохранялся на протяжении всей их политической истории. В эпоху Античности это были Синдское, Фатейское и др. царства. Синдика или Синдское царство — древнейшее автохтонное государственное образование в Российской Федерации. «Царской столицей синдов» была Синдская гавань (с середины IV в. до н.э. — Горгиппия [63, с. 217], вблизи совр. Анапы) [7, с. 88]. На наличие государства у синдов указывает ряд факторов: высокий уровень социально-экономического развития; наличие городов с одновременным существованием неукрепленных сельских поселений; серебряные монеты «синдон» [8, с. 91]. Синды, имевшие большое число городов, использовали в их строительстве приемы античного градостроительства (Семибратное городище) [23, с. 77]. «Ни одно из первобытных племен, — отмечал Фредерик Дюбуа де Монпере, — не осталось более верным своим античным нравам, чем черкесское» [46, с. 140]. К. Ф. Сталь (1846–1848) писал: «Древняя общежительность эллинов этого периода известна нам только из “Иллиады” и “Одиссеи”, двух величайших памятников первобытной поэзии человечества. Так вы видите

пелазгов, разделенными на маленькие независимые царства, основанные героями и полубогами... "Одиссея", прочитанная на Кавказе, лицом к лицу с горскими народами, делается вполне понятною, и вы, изучая быт черкесов, поймете быт древних пелазгов, сохранившийся в ущельях Кавказа неизменным в течение тысячелетий» [55, с. 220].

Политогенез в черкесском обществе также следует рассматривать через призму концепции «оболочек» или «юридических фикций». В IV–XV вв. на место античных полигий («маленьких царств») пришли феодальные княжества. Фредерик Дюбуа де Монпере писал о черкесских обычаях: «Конституция чистейшей воды феодальная; кастовый дух царит такой же строгий, как некогда во Франции и Германии» [46, с. 140].

С. Хан-Гирей отмечал, что древние черкесские обычаи были основаны на идеях феодализма [62, с. 538]. Черкесская автохтонная государственность в период средних веков прошла три из четырех стадий развития феодальной государственности: раннефеодальную, вотчинную и сословно-представительную. Процесс политической консолидации черкесских земель в средневековый период носил дискретный характер. Эта дискретность была связана, прежде всего, с фактором значительных экспансионистских вызовов адыгскому этнополитическому массиву. Сейчас мы можем говорить лишь о некоторых вехах на этом многотрудном пути.

Политическая консолидация на территории адыгских конфедераций имела значительный потенциал в VIII, X, в начале XIII, в середине XV, в середине XVI, во второй четверти XVIII в. В начале XIII в. под властью шегакского княжеского дома объединились все адыгские земли под политонимом *Черкесия*. Из потомков Абдан-хана наибольшую известность получил легендарный князь Инал Нэху (1427–1456), чья заслуга состояла в политической консолидации черкесских земель после татаро-монгольской зависимости. Во время правления династии Иналидов, известной в России как князья Черкасские (многочисленные записи ее (династии) генеалогии отложились в русских архивах XVII–XIX вв. [53, с. 134–158]), страна представляла собой политически децентрализованную систему отдельных полигий (удельных княжеств) и их союзов (*благъагъэ*). Попытки не то что построения абсолютной монархии, но и единого централизованного государства в силу совокупности причин, важнейшей из которых стала исконная традиция политогенеза («маленькие независимые царства» [30, с. 517] и их союзы) потерпели фиаско. В Новое время черкесские полигии представляли собой отдельные княжества и демократические республики. Различия в политическом строе не помешали им находиться в государственно-политическом союзе друг с другом в рамках общего культурного и политического пространства Черкесии.

В силу традиции политогенеза развитие Адыгэ хабзэ в Черкесии имело партикулярный характер. Однако всегда действовала закономерность: правовые преобразования шли снизу вверх — от района к округу, от округа к региону и в конечном итоге утверждались решением общечеркесского съезда хасэ на общенациональном уровне. Совокупность черкесских обычаев средневековой и Новой эпох, прошедшая этот путь, и получила известность как *Адыгэ хабзэ — Черкесские законы* или *Конституция Черкесии* [16, с. 59].

Предпоследним по порядку, но не по важности для развития Адыгэ хабзэ следует назвать **религиозный фактор**. Уникальная мифология черкесов, главной частью которой является героический эпос «Нартхэр» («Нарты»), лежащая в основе их этнической культуры, дает представление и о древней системе верований черкесов. Мифы включают в себя космогонические и хтонические божества, объясняющие происхождение Вселенной и покровителей основных видов первобытного производства. По древним представлениям черкесов творцом всего сущего выступал *Тхэшхуэ* — Великий Бог. Лексема *Тхэ* возникла по данным лингвистов, не позже рубежа II и I тысячелетий до нашей эры [39, с. 206].

Очевидно, что черкесы, как и другие древние народы, не могли в неизменном виде сохранять древнюю языческую религию, в то время как их общество развивалось экономически, политически, социально и ментально. Более того, фундаментальную роль в развитии феодального черкесского социума, как и любого другого общества в ту эпоху, сыграли религиозные институты. Начала Адыгэ хабзэ, связанные с древними и развитыми мифологическими верованиями, идентичными в значительной мере мифологическим верованиям классических народов [34, с. 118; 58, с. 23] в период Средневековья испытали на себе влияние всех религий Авраамической традиции Единобожия: иудаизма, христианства, ислама.

Очевидно, при анализе социально-политической истории Черкесии мы должны исходить из того, что, несмотря на самобытность общественно-политического развития черкесов, связанного изначально с глубокой архаикой, оно на протяжении полутра тысяч лет лежало в социальной парадигме Писания. Тесная взаимосвязь с греко-римским миром способствовала тому, что Кавказ стал одним из первых регионов распространения христианства. Начало христианской проповеди среди черкесов было положено в I в. апостолом Андреем Первозванным, Черкесская Церковь относилась к числу апостольских. На протяжении, по меньшей мере, VI–XVI вв. христианство являлось государственной религией во всей стране, а в последующие века — продолжало оставаться таковым в ряде черкесских политий. Христианство оказало значительное влияние на развитие черкесского общества: христианские церковные институты, действовавшие здесь непрерывно более чем тысячу лет, способствовали укреплению теоретической базы монархического начала — власти великого князя (*пщымяпщ*, *пщышхуэ*); наложили неизгладимый отпечаток на социально-политические и государственные институты, на административно-политическую структуру черкесских земель, на менталитет и правовую культуру народа.

Влияние на древние основы правовой культуры черкесов со стороны различных религиозных доктрин Авраамической традиции привело к симбиозу, организационному единству норм обычного права и морали [2, с. 341]. Со временем хабзэ получили статус священных. В христианский период черкесской истории моральные ценности Адыгэ хабзэ, сконцентрированные в Адыгстве (Адыгагъэ / Адыгская этика) приобрели характер религиозного долга, превратив Адыгагъэ в абсолютную ценность [14, с. 85]. Известно множество структурных единиц, принципов, механизмов адыгской этики, но наибольшее значение имели такие механизмы как человечность — *цыхугъэ*, почтительность — *нэмыс*, разумность — *акыгъл*, мужество — *лыгъэ*, честь — *напэ* [14, с. 9]. Адыгство по сей день выступает как система координат и главный ориентир воспроизводства и развития нравственного сознания черкесского народа, оно функционировало и функционирует как механизм культурной самоорганизации адыгского социума, как кодекс идентичности адыгов [59, с. 59].

В последней четверти XV в. Черкесия подверглась агрессии Османской империи. Колониальная война была начата османами под флагом газавата — борьбы с неверными. На протяжении XVI–XVIII вв. страна пережила множество осmano-крымских наступлений. Это выражалось не только в уничтожении церквей, сожжении книг, в расхищении пастырских жезлов, но в физическом истреблении ее христианского духовенства (*шихънагъ* / епископ, *шоджэн* / христианский священник, *къардэн* / дьяк) [52, с. 77, 78]. Навязанная Османской империей смена конфессиональной идентичности не была одновременным актом для всей нации и сопровождалась глубоким религиозным кризисом. В эту эпоху спасительной для сохранения этноса оказалась система *Адыгэ хабзэ*, вобравшая в себя в качестве национальных традиций часть христианского вероучения.

В XVI–XIX вв. в силу отмеченных исторических обстоятельств, определенное влияние на систему *Адыгэ хабзэ* стало оказывать мусульманское право. С конца XVI в. имело место самое раннее использование черкесами шариата как источника права в княжестве Жане. В первой половине XVII в. мусульманскими землями наряду с Жане считались уже Кабарда, Бжедугия, Бесленей и Хатукай [66, с. 154, 381]. Ш.Б. Ногмов писал, что христианство было «окончательно» уничтожено среди черкесов в 1717 г., когда часть из них добровольно приняла ислам, а другая часть — подверглась агрессии объединенных сил Османской империи и Крымского ханства [52, с. 77; 58, с. 48, 49; 29, с. 107]. Но христианские воззрения и после смены религиозной идентичности с христианской на мусульманскую продолжали играть немаловажную роль в общественном сознании черкесов [52, с. 165; 49, с. 3]. Черкесский историк Айдемир Иззет писал, что «татары, чтобы препятствовать усилению среди черкесов христианства, в случае, если они принимали ислам, в качестве компенсации разрешали им носить еще и крест» [10, л. 17].

Особую роль в обычаях черкесов, как и у всех прошедших через горнило античной цивилизации народов, играли такие базовые ценности, как «концепция народовластия (демократия), примат закона, само понятие “полноправный гражданин”, право человека на свободные поиски истины» [6, с. 8]. Они органично вплелись в христианское мировоззрение, в центре которого стояла человеческая личность [44, с. 65], а позднее — в исламские представления.

Имя Бога *Тхьэ* стало обозначать синкретичного бога, вобравшего в себя, «наряду с языческими чертами, сущностную сторону иудейско-христианского бога» [15, с. 317; 60]. Имя *Тхьэ* использовалось (христианский период, I–XIX вв.) и используется поныне (исламский период, XVII–XXI вв.) для обозначения Бога Авраамической традиции¹.

Фактор влияния писаных законов. На развитие черкесских обычаев оказали определенное влияние не только различные религиозные доктрины Единобожия, но и правовые системы тех народов, с которыми черкесы тесно соприкасались на своем историческом пути. М. М. Ковалевский с удивлением отмечал, что обычное право народов Кавказа «представляет собою ряд исторических наслоений, из которых одни вызваны естественным ростом народной жизни, а другие обуславливаются тем влиянием, какое в разные эпохи писаный закон оказывал на народный обычай» [34, с. 78]. Проанализировав влияние исконных начал римского права на обычаи Кавказа, он выяснил, что в наибольшей степени они отразились в части наказаний за покушение на право частной собственности. Определенный отпечаток римское и византийское право наложили и на сферу семейно-брачных отношений. Отмечалось влияние на юридические обычаи черкесов Ветхого завета, Канонического права, близость Адыгэ Хабзэ с грузинским и армянским системами права. «Таким образом, — писал М. М. Ковалевский, — вместо того, чтобы быть всегда и неизменно, как думала школа Пухты, первоисточником закона, народный обычай нередко сам в числе своих первоисточников может указать и на закон» [34, с. 78, 123, 126–132, 144, 147, 151].

С XVIII в. шариат становится одним из источников семейного, наследственного, а иногда и — уголовного права практически на всей территории Черкесии [32, с. 75–79]. Шариат выступал здесь, как это было принято в Османской империи [54, с. 51, 239, 240], в симбиозе с обычным правом, каковым в Черкесии был свод норм *Адыгэ хабзэ*. Процесс исламизации сопровождался, как распространением исламского права через учреждение

¹ В 1560-е гг. в Москве был подготовлен «Чин отречения от черкасской веры». В нем черкесы рассматривались как христиане-еретики, попавшие под влияние мусульман, язычников и католиков [64, с. 174].

шариатских судов, назначение сюда кадиев и имамов, так и институциональным развитием ислама (строительство соборных и квартальных мечетей, школ-медресе для обучения детей грамоте и религиозным наукам). Однако введение шариата не изменило содержание и основные принципы судопроизводства [32, с. 80].

Наибольшие успехи имело развитие в Черкесии исламских религиозных институтов, что имело первостепенное значение для разрешения религиозного кризиса: мечетей, которые зачастую перестраивались из христианских храмов, школ и т.д. По сведениям Г. В. Новицкого (1829) «порывы к просвещению» были заметны более среди простого народа: «по принятии Магометанской веры, Муллы умели склонить некоторых из них, хотя с большим затруднением, учиться читать и писать по-турецки. Из сего видно, что у них не существует общественных школ, а есть частные и то между простым народом» [50, с. 3]. Г. В. Новицкий отмечал, что Кабарда первенствовала между всеми черкесскими землями «по образованности» [5, с. 890]. По данным Д. Белла, только в местностях на восток и на север от Геленджика («на севере двух провинций») насчитывалось 40 школ с 800 учениками, среди которых были, как мальчики, так и девочки [11, с. 301; 12, с. 198]. Т. Лапинский (1857–1859) также отмечал успехи исламского просвещения на западе Черкесии: «В Абадзехии и в некоторых частях равнины Шапсугии основаны духовные школы, в которых изучается Коран и арабское письмо. Во время моего пребывания там число учащихся мальчиков во всей стране доходило почти до 1000» [40, с. 96].

В Новое время, как и в Средневековье, *Адыгэ хабзэ* наиболее динамично и продуктивно также развивалось в Кабарде. Влияние кабардинских хабзэ на хабзэ во всех регионах Черкесии, а также на обычаи всех народов Северного Кавказа, было отмечено М. М. Ковалевским [34, с. 211–237]. К. Ф. Сталь писал: «Каждый из черкесских народов имеет свой собственный адат, но все эти адаты в общих своих основаниях сходятся. Адат кабардинский считается самым лучшим и принят почти везде у черкес» [55, с. 268]. Он также утверждал: «Дворянский обычай кабардинцев (*Уорк хабзе*) сделался обычаем для всех черкесов» [55, с. 212].

Самое раннее законодательное оформление норм обычного права в Черкесии имело место в XV–XVI вв. Есть указания на то, что еще до начала XIX в. в Кабарде при судебных разбирательствах руководствовались письменными сборниками обычного права [2, с. 341, 343]. Существовавшая здесь система композиций в XVIII – первой половине XIX в. свидетельствовала о том, что хабзэ давно стали юридическими нормами феодального общества Черкесии [19, с. 347]. С последней четверти XVIII в. юридический компонент *Адыгэ хабзэ* начинает приобретать форму позитивного права [36, с. 10]. Самый полный свод правовых норм черкесов «Полное собрание кабардинских древних обрядов» был опубликован в 1843–1844 гг. по поручению подполковника князя А.С. Голицына.

Собранные в Кабарде и систематизированные нормы права состояли из 12 разделов и 127 параграфов и представляют собой кодекс всех отраслей черкесского (кабардинского) обычного права [41, с. 199–230; 32, с. 54].

Таким образом, сложившиеся в древности принципы организации социально-политической жизни черкесов, оказали определяющее влияние на формирование их правовой культуры. Статичность хабзэ была обманчивой: в лоне архаических институтов по мере смены исторических эпох менялось и содержание. Таким образом в феодальных княжествах древние хабзэ трансформировались в феодальные обычно-правовые нормы, а в демократических республиках Западной Черкесии – в демократические.

На рубеже XVIII–XIX вв. *Адыгэ хабзэ* начинает приобретать форму позитивного права. Вопрос религиозной идентичности не имел в Черкесии острой формы. Язычество,

христианство и мусульманство, исповедовавшиеся черкесами в разное время, оставили свой отпечаток на их обычаях и традициях, многие элементы этих доктрин со временем стали их национальными обычаями и традициями. Черкесская идентичность, которая, конечно же, являясь этнической идентичностью, должна была в таксономической классификации стоять ниже конфессиональной идентичности, но в условиях сакрализации системы обычного права и длительного религиозного кризиса, Адыгэ хабзэ стало ставиться почти на один уровень с религиозной идентичностью. Благодаря Адыгэ хабзэ черкесское общество, несмотря на политическое разделение, во все эпохи своего существования имело «моральное единство» [55, с. 187] и всеобщую связь.

Литература

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Пер. и сост. В. К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.
2. Адыгская (черкесская) энциклопедия / Гл. ред. М. А. Кумахов, ред. В. Х. Кажаров. М.: Можайский полиграфический комбинат, 2006. 1247 с.
3. *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М.: Наука, 1971. 355 с.
4. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (АКАК) / под ред. председ. комиссии Ад. Берже: В 12 т. Т. 2. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-фельдмаршала гр. И. В. Гудовича (1806–1809). Тифлис, 1868. 1238 с.
5. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (АКАК) / под ред. председ. комиссии Ад. Берже: В 12 т. Т. 7. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-фельдмаршала гр. И. Ф. Паскевича (1827–1809). Тифлис, 1878. 994 с.
6. Античное наследие Кубани: В 3 т. / ред., сост. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. Т. 1. 604 с.
7. Античные источники о Северном Кавказе: Хрестоматия / Сост. В. М. Аталиков. Нальчик: ИЦ «Эль-Фа», 2004. 293 с.
8. *Анфимов Н. В.* Древнее золото Кубани. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1987. 232 с.
9. Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (АИГИ КБНЦ РАН). Ф.1. Оп. 5. Д. 27. (*Намиток А. А.* Происхождение черкесов / Пер. с фр. Р. Морской, 1958).
10. Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (АИГИ КБНЦ РАН). № 2811/1 (*Иззет А. / Цусха / Цушъхъэ (шапс.) / Вышхъэ (каб.)*. История переселения народов Северного Кавказа).
11. *Белл Д.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов: В 2 т. / Пер. с англ. К. А. Мальбахов. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.». Издательский центр «Эль-Фа», 2007. Т. 1. 408 с.
12. *Белл Д.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов: В 2 т. / Пер. с англ. К. А. Мальбахов. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.». Издательский центр «Эль-Фа», 2007. Т. 2. 327 с.
13. *Бетрозов Р.Ж.* Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик: Нарт, 1991. 168 с.
14. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 97 с.
15. *Бгажноков Б.Х.* Древняя религиозная система адыгов // Исторический вестник. Вып. 6. Нальчик, 2008. С. 317–322.
16. *Бгажноков Б.Х., Думанов Х. М.* О термине «адыгэ хабзэ» // Народы Северного Кавказа: вопросы истории и историографии. Материалы конференции, посвященной 70-летию Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 1998. С. 58–61.
17. *Бгажноков Б.Х.* Образ жизни адыгской феодальной знати // Из истории феодальной Кабарды: Сборник статей. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 78–104.
18. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы / Под. ред. А. И. Першица. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 178 с.

19. В.К. Гарданов – историк и этнограф / Предисл. и сост. А. И. Мусукаев. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 403 с.
20. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. 331 с.
21. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / Отв. ред. Е.П. Ситковский. М.: Мысль, 1977. 473 с.
22. Инал-Ипа Ш.Д. Об абхазо-адыгской общности // Культура и быт адыгов: Вып. 8. Майкоп: Издательско-производственное и книготорговое объединение «Адыгея», 1991. С. 6–28.
23. История народов Северного Кавказа: в 2 т. М.: Наука, 1988. Т. 1 (с древнейших времен до конца XVIII в.) / под ред. акад. Б. Б. Пиотровского. 543 с.
24. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. – XVIII в. / Сост.: В. М. Букалова. 427 с.
25. Кажаров В.Х. Адыгская хаса: Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1992. 160 с.
26. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 438 с.
27. Каменев Н.Л. Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 5 (4 февр.). С. 19–20.
28. Каменев Н.Л. Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 23 (7 июня). С. 92–93.
29. Каменев Н.Л. Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 27 (15 июля). С. 107.
30. Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населявших северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. 1860. Т. 28. Кн. II. С. 517–551.
31. Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 250 с.
32. Катанчиев Т.М. Адыгэ Хабзэ как кабардинское обычное право. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 156 с.
33. Катанчиев Т.М. Кабардинское обычное право, его особенности. Изд. 2-е, доп. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 193 с.
34. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе: в 2 т. Майкоп: ОАО «Афиша», 2006. 528 с.
35. Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен апостолов до начала XIX столетия: Сочинение Генерального штаба полковника Ракинта. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2012. 72 с.
36. Крымшохалова Ф.Х. Источники обычного права кабардинцев в XVIII – второй половине XIX веков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2006. 23 с.
37. Крупнов Е.И. Древняя история Кабарды. История и культура племен Кабардино-Пятигорья и Северо-Западного Кавказа в I тысячелетии до н.э. // Ученые записки Кабардинского НИИ. Т. 7. Нальчик, 1952. С. 3–62.
38. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. К 300-летию дома Романовых. Репринтное воспроизведение издания 1913. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 1990. 283 с.
39. Лавров Л. И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. 556 с.
40. Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Пер. с англ. яз. Г. К. Гарданова. Нальчик: Эль-Фа, 1995. 465 с.
41. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Вып. I. 343 с.
42. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Вып. II. 317 с.
43. Маремукова Э. В. Кавказская раса // Вестник Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. № 3 (22). С. 30–33.
44. Мейер Э. Труды по теории и методологии исторической науки. / Вступ. ст. Ю. И. Семенова. РФ. М.: Гос. публ. ист.б-ка, 2003. 02 с.

45. *Метивье Ю.* Франция в XVI–XVIII вв. от Франциска I до Людовика XV / Пер. с фр. А. В. Голубкова, С. В. Панова. М.: АСТ: Астрель, 2005. 190 с.
46. *Монпере Ф. Д. де.* Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 283 с.
47. *Намиток А. А.* Происхождение черкесов / Пер. с фр. / Общ. ред. и предисл. Р.Ю. Намитковой, Н.А. Нефляшевой. Краснодар: Традиция, 2029. 376 с.
48. *Нартский эпос и кавказское языкознание //* Материалы VI Международного коллоквиума Европейского общества кавказологов. Майкоп: Издательско-производственное и книготорговое объединение «Адыгея», 1994. 390 с.
49. *Новицкий Г. В.* Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлисские ведомости. 1829. № 22 (30 мая). С. 3–4.
50. *Новицкий Г. В.* Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлисские ведомости. 1829. № 24 (13 июня). С. 2–4.
51. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды: в 2 т. / Исслед. и подгот. к печати Г.Ф. Турчанинов. Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1956, Т. 1. 308 с.
52. *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Введ., примеч. и указат. Г. Кокиева. 5-е изд. Нальчик: Кабгосиздат, 1947. 160 с.
53. *Озова Ф. А.* К вопросу о происхождении княжеской династии Черкесии // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2012. Вып. I. С. 134–158.
54. Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура: Сборник статей. М.: Наука, 1990. 337 с.
55. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: в 2 т. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. 323 с.
56. *Тхагансоев Х. Г.* Нартский эпос как логос кавказского культурогенеза (экзистенциальная реконструкция) // Истоки региональных культур России: Сборник научных статей. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. С. 143–174.
57. *Утижев Б. К.* Об одной первичной основе в адыгских языках // Актуальные вопросы адыгских языков / Под. ред. П. М. Багова, А. С. Кишева. Нальчик: [Б. и.], 1981. С. 47–52.
58. *Хавжоко Ш. М.* Герои и императоры в черкесской истории / Пер. с англ. Б. Н. Березгова. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 317 с.
59. *Ханаху Р.А.* Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д.: Аякс, 2001. 190 с.
60. *Ханаху Р. А.* От истоков к мировой религии. Природа слова «Тхьэ» // Мир культуры адыгов. URL: <http://www.aheku.org/page-id-955.html> (дата обращения: 11.12.2011).
61. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Изд. 2-е, доп., испр. / сост. Г. Х. Мамбетов. Нальчик: Эльбрус, 1992. 352 с.
62. *Хан-Гирей С.* Избранные труды и документы / сост. М. Н. Губжоков. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. 672 с.
63. *Челеби Э.* Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / пер. А.П. Григорьева. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 287 с.
64. *Чумичева О. В.* Парадоксы «Черкасской веры»: между исламом, христианством и языческими традициями // Ритуалы и религиозные практики иноверцев во взаимных представлениях. Сборник статей. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016. С. 178–194.
65. *Адыгабзэм изэхэф гушчыIалъ.* (Толковый словарь адыгейского языка): В 3 т. Т. 3. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2014. 552 с.
66. *Sadik Müfit Bilge.* Osmanlı Çağı'nda Kafkasya. 1454–1829. (Tarih – Toplum – Ekonomi). Istanbul: Kitabevi, 2012. 689 s. (пер. на черкесский язык предоставлен нам любезно *Абазэ Ибрахымом*).

Ozova Fatima Anatolyevna, Dr., Associate Professor, Head of the Department of the History of the Peoples of the KCR, Karachay-Cherkess Institute of Humanitarian Studies (1'A', Gorky St., Cherkessk, 369000, Russian Federation). E-mail: fo7799@gmail.com

DEVELOPMENT FACTORS OF ADYGHE KHABZE

Abstract

The article analyzes the development of the common law of the Circassians Adyghe khabze. The following factors are distinguished as important conditions for this process: duration of existence; the nature of the transformations of socio-political institutions and customs; constant reproduction of the multidimensional personal culture of the Caucasian personality type of personality; tradition of political genesis; poly-confessional; the influence of the written laws of the counterparty countries.

Keywords: *Khabze, Circassians, Circassia, patriarchal society, the Middle Ages, New time, the concept of "shells" or "legal fictions", khase, t'emade, religions of the Abrahamic tradition of Monotheism, Roman law, Sharia.*

References

1. Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII–XIX vv. / Per. i sost. V.K. Gardanova. Nal'chik: El'brus, 1974. 636 p.
2. Adygsкая (cherkessкая) entsiklopediya / Gl. red. M. A. Kumakhov, red. V. Kh. Kazharov. M.: Mozhayskiy poligraficheskiy kombinat, 2006. 1247 p.
3. Alekseeva E.P. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Karachaevo-Cherkesii (Voprosy etnicheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya). M.: Nauka, 1971. 355 p.
4. Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkheograficheskoyu komissieyu (AKAK) / pod red. predsed. komissii Ad. Berzhe: V 12 t. T. 2. Kavkaz i Zakavkaz'e za vremya upravleniya general-fel'dmarshala gr. I. V. Gudovicha (1806–1809). Tiflis, 1868. 1238 p.
5. Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkheograficheskoyu komissieyu (AKAK) / pod red. predsed. komissii Ad. Berzhe: V 12 t. T. 7. Kavkaz i Zakavkaz'e za vremya upravleniya general-fel'dmarshala gr. I. F. Paskevicha (1827–1809). Tiflis, 1878. 994 p.
6. Antichnoe nasledie Kubani: V 3 t. / red., sost. G. M. Bongard-Levin, V. D. Kuznetsov. M.: Nauka, 2010. T. 1. 604 p.
7. Antichnye istochniki o Severnom Kavkaze: Khrestomatiya / Sost. V. M. Atalikov. Nal'chik: ITs «El'-Fa», 2004. 293 p.
8. Anfimov N.V. Drevnee zoloto Kubani. Krasnodar: Krasnodarskoe kn. izd-vo, 1987. 232 p.
9. Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk (AIGI KBNTs RAN). F.1. Op. 5. D. 27. (Nमितok A. A. Proiskhozhdenie cherkesov / Per. s fr. R. Morskoy, 1958).
10. Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk (AIGI KBNTs RAN). № 2811/1 (Izzet A. / Tsuskha / Tsush"kh'e (shaps.) / Vyshkh'e (kab.). Istoriya pereseleniya narodov Severnogo Kavkaza).
11. Bell D. Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1839 godov: V 2 t. / Per. s angl. K.A. Mal'bakhov. Nal'chik: GP KBR «Respublikanskiy poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.». Izdatel'skiy tsentr «El'-Fa», 2007. T. 1. 408 p.
12. Bell D. Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1839 godov: V 2 t. / Per. s angl. K.A. Mal'bakhov. Nal'chik: GP KBR «Respublikanskiy poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.». Izdatel'skiy tsentr «El'-Fa», 2007. T. 2. 327 p.
13. Betzov R.Zh. Proiskhozhdenie i etnokul'turnye svyazi adygov. Nal'chik: Nart, 1991. 168 s.
14. Bgazhnokov B.Kh. Adygsкая etika. Nal'chik: El'-Fa, 1999. 97 p.
15. Bgazhnokov B.Kh. Drevnyaya religioznaya sistema adygov // Istoricheskiy vestnik. Vyp. 6. Nal'chik, 2008. P. 317–322.
16. Bgazhnokov B.Kh., Dumanov Kh. M. O termine «adyge khabze» // Narody Severnogo Kavkaza: voprosy istorii i istoriografii. Materialy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu T. Kh. Kumyko-va. Nal'chik, 1998. P. 58–61.
17. Bgazhnokov B.Kh. Obraz zhizni adygsкой feodal'noy znati // Iz istorii feodal'noy Kabardy: Sbornik statey. Nal'chik: El'brus, 1980. P. 78–104.
18. Borov A.Kh., Dumanov Kh.M., Kazharov V.Kh. Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problemy / Pod. red. A. I. Pershitsa. Nal'chik: El'-Fa, 1999. 178 p.

19. V.K. Gardanov — istorik i etnograf / Predisl. i sost. A. I. Musukaev. Nal'chik: El'-Fa, 2004. 403 p.
20. Gardanov V.K. Obshchestvennyy stroy adygsikh narodov (XVIII – pervaya polovina XIX v.). M.: Nauka, 1967. 331 p.
21. Gegel' G. V. F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3. Filosofiya dukha / Otv. red. E.P. Sitkovskiy. M.: Mysl', 1977. 473 p.
22. Inal-Ipa Sh.D. Ob abkhazo-adygskoy obshchnosti // Kul'tura i byt adygov: Vyp. 8. May-kop: Izdatel'sko-proizvodstvennoe i knigotorgovoe ob"edinenie «Adygeya», 1991. P. 6–28.
23. Istoriya narodov Severnogo Kavkaza: v 2 t. M.: Nauka, 1988. T. 1 (s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.) / pod red. akad. B. B. Piotrovskogo. 543 p.
24. Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: Dokumenty i materialy v 2 t. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. T. 2. – XVIII v. / Cost.: V. M. Bukalova. 427 p.
25. Kazharov V.Kh. Adygsкая khasa: Iz istorii soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdeniy feodal'noy Cherkessii. Nal'chik: El'brus, 1992. 160 p.
26. Kazharov V.Kh. Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka. Nal'chik: El'-Fa, 1994. 438 p.
27. Kamenev N.L. Basseyn Psekupsa // Kubanskiye voyskovyye vedomosti. 1867. № 5 (4 fevr.). P. 19–20.
28. Kamenev N.L. Basseyn Psekupsa // Kubanskiye voyskovyye vedomosti. 1867. № 23 (7 iyunya). P. 92–93.
29. Kamenev N.L. Basseyn Psekupsa // Kubanskiye voyskovyye vedomosti. 1867. № 27 (15 iyulya). P. 107.
30. Karl'gof N.I. O politicheskom ustroystve cherkesskikh plemen, naselyavshikh severo-vostochnyy bereg Chernogo morya // Russkiy vestnik. 1860. T. 28. Kn. II. S. 517–551.
31. Karnovich E.P. Rodovyye prozvaniya i tituly v Rossii i sliyanie inozemtsev s russkimi. Izd. 3-e. M.: Izd-vo LKI, 2007. 250 p.
32. Katanchiev T.M. Adyge Khabze kak kabardinskoye obychnoye pravo. Nal'chik: El'-Fa, 2001. 156 p.
33. Katanchiev T.M. Kabardinskoye obychnoye pravo, ego osobennosti. Izd. 2-e, dop. Nal'chik: El'-Fa, 2003. 193 p.
34. Kovalevskiy M.M. Zakon i oby chay na Kavkaze: v 2 t. Maykop: OAO «Afisha», 2006. 528 p.
35. Kratkiy istoricheskiy ocherk khristianstva kavkazskikh gortsev so vremen apostolov do nachala XIX stoletiya: Sochinenie General'nogo shtaba polkovnika Rakinta. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2012. 72 p.
36. Krymshokalova F.Kh. Istochniki obychnogo prava kabardintsev v XVIII – vtoroy polovine XIX vekov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D., 2006. 23 p.
37. Krupnov E.I. Drevnyaya istoriya Kabardy. Istoriya i kul'tura plemen Kabardino-Pyatigor'ya i Severo-Zapadnogo Kavkaza v I tysyacheletii do n.e. // Uchenyye zapiski Kabardinskogo NII. T. 7. Nal'chik, 1952. P. 3–62.
38. Kudashev V.N. Istoricheskiye svedeniya o kabardinskom narode. K 300-letiyu doma Romanovykh. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1913. Nal'chik: GP KBR «Respublikanskiy poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», 1990. 283 p.
39. Lavrov L. I. Izbrannyye trudy po kul'ture abazin, adygov, karachaevtsev, balkartsev. Nal'chik: GP KBR «Respublikanskiy poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», 2009. 556 p.
40. Lapinskiy T. (Teffik-bey). Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv rus-skikh / Per. s angl. yaz. G. K. Gardanova. Nal'chik: El'-Fa, 1995. 465 p.
41. Leontovich F. I. Adaty kavkazskikh gortsev: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Nal'chik: El'-Fa, 2002. Vyp. I. 343 p.
42. Leontovich F. I. Adaty kavkazskikh gortsev: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Nal'chik: El'-Fa, 2002. Vyp. II. 317 p.
43. Maremukova E. V. Kavkazskaya rasa // Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2014. № 3 (22). P. 30–33.
44. Meyer E. Trudy po teorii i metodologii istoricheskoy nauki. / Vstup. st. Yu. I. Se-menova. RF. M.: Gos. publ. ist.b-ka, 2003. 02 p.

45. Metiv'e Yu. Frantsiya v XVI–XVIII vv. ot Frantsiska I do Lyudovika XV / Per. s fr. A. V. Golubkova, S. V. Panova. M.: AST: Astrel', 2005. 190 p.
46. Monpere F. D. de. Puteshestvie vokrug Kavkaza, u cherkesov i abkhazov, v Kolkhide, Gruzii, Armenii i Krymu. Nal'chik: El'-Fa, 2002. 283 p.
47. Namitok A. A. Proiskhozhdenie cherkesov / Per. s fr. / Obshch. red. i predisl. R.Yu. Namitokovoy, N.A. Neflyashevoy. Krasnodar: Traditsiya, 2029. 376 p.
48. Nartskiy epos i kavkazskoe yazykoznanie // Materialy VI Mezhdunarodnogo kollokviuma Evropeyskogo obshchestva kavkazologov. Maykop: Izdatel'sko-proizvodstvennoe i knigotorgovoe ob"edinenie «Adygeya», 1994. 390 p.
49. Novitskiy G. V. Geograficheskoe-statisticheskoe obozrenie zemli, naselennoy narodom Adekhe // Tiflisskie vedomosti. 1829. № 22 (30 maya). P. 3–4.
50. Novitskiy G. V. Geograficheskoe-statisticheskoe obozrenie zemli, naselennoy narodom Adekhe // Tiflisskie vedomosti. 1829. № 24 (13 iyunya). P. 2–4.
51. Nogma Sh.B. Filologicheskie trudy: v 2 t. / Issled. i podgot. k pechati G.F. Turchaninov. Nal'chik: Kabard. kn. izd-vo, 1956, T. 1. 308 p.
52. Nogmov Sh. B. Istoriya adykheyskogo naroda, sostavlennaya po predaniyam kabardintsev / Vved., primech. i ukazat. G. Kokieva. 5-e izd. Nal'chik: Kabgosizdat, 1947. 160 p.
53. Ozova F. A. K voprosu o proiskhozhdenii knyazheskoy dinastii Cherkessii // Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza. Nal'chik: Izd-vo KBIGI, 2012. Vyp. I. P. 134–158.
54. Osmanskaya imperiya. Gosudarstvennaya vlast' i sotsial'no-politicheskaya struktura: Sbornik statey. M.: Nauka, 1990. 337 p.
55. Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza: v 2 t. Nal'chik: El'-Fa, 2001. T. 1. 323 p.
56. Tkhagapsoev Kh. G. Nartskiy epos kak logos kavkazskogo kul'turogeneza (ekzistentsial'naya rekonstruktsiya) // Istoki regional'nykh kul'tur Rossii: Sbornik nauchnykh statey. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2000. P. 143–174.
57. Utizhev B. K. Ob odnoy pervichnoy osnove v adygskiykh yazykakh // Aktual'nye voprosy adygskiykh yazykov / Pod. red. P. M. Bagova, A. S. Kisheva. Nal'chik: [B. i.], 1981. P. 47–52.
58. Khavzhoko Sh. M. Geroi i imperatory v cherkesskoy istorii / Per. s angl. B. N. Berezgova. Nal'chik: El'-Fa, 1994. 317 p.
59. Khanakhu R.A. Traditsionnaya kul'tura Severnogo Kavkaza: vyzovy vremeni (sotsial'no-filosofskiy analiz). 2-e izd.. pererab. i dop. Rostov n/D.: Ayaks, 2001. 190 p.
60. Khanakhu R. A. Ot istokov k mirovoy religii. Priroda slova «Tkh'e» // Mir kul'tury adygov. URL: <http://www.aheku.org/page-id-955.html> (data obrashcheniya: 11.12.2011).
61. Khan-Girey. Zapiski o Cherkessii. Izd. 2-e, dop., ispr. / sost. G. Kh. Mambetov. Nal'chik: El'brus, 1992. 352 p.
62. Khan-Girey S. Izbrannye trudy i dokumenty / sost. M. N. Gubzhokov. Maykop: OAO «Po-ligraf-Yug», 2009. 672 p.
63. Chelebi E. Kniga puteshestviya. (Iz vlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka) / per. A.P. Grigor'eva. Vyp. 2. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya. M.: Nauka, 1979. 287 p.
64. Chumicheva O. V. Paradoksy «Cherkasskoy very»: mezhdru islamom, khristianstvom i yazycheskimi traditsiyami // Ritualy i religioznye praktiki inovertsev vo vzaimnykh predstavleniyakh. Sbornik statey. M.: Institut vseobshchey istorii RAN, 2016. P. 178–194.
65. Adygabzem izekhef gushchylal". (Tolkovyy slovar' adygeyskogo yazyka): V 3 t. T. 3. Maykop: OAO «Poligraf-Yug», 2014. 552 p.
66. Sadik Müfit Bilge. Osmanli Çağı'nda. Kafkasya. 1454–1829. (Tarih — Toplum — Ekonomi). Istanbul: Kitabevi, 2012. 689 p. (per. na cherkesskiy yazyk predostavlennam lyubezno Abaze Ibrakh'imom).